

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ КОГНИТИВНАЯ РИТОРИКА: В ПОИСКАХ *TERTIUM COMPARATIONIS*

В качестве tertium comparationis сопоставительной когнитивной риторики в статье предлагается использовать предконцептуальные отношения сенсомоторного происхождения: образ-схемы и силовую динамику. Методика их применения раскрывается на примере воплощения идеи ответственности в инаугурационных речах на русском и украинском языках.
Ключевые слова: сопоставительная когнитивная риторика, *tertium comparationis*, образ-схема, силовая динамика, инаугурационное обращение.

Потапенко С. И. Зіставна когнітивна риторика: у пошуках *tertium comparationis*. – Стаття.

За основу tertium comparationis зіставної когнітивної риторики в статті пропонується використовувати доконцептуальні відношення сенсомоторного походження: образ-схеми й силову динаміку. Методика їх застосування розкривається на прикладі втілення ідеї відповідальності в інаугураційних промовах російською та українською мовами.

Ключові слова: зіставна когнітивна риторика, *tertium comparationis*, образ-схема, силова динаміка, інаугураційна промова.

Potapenko S. I. Contrastive cognitive rhetoric: in search of tertium comparationis. – Article.

The article suggests using image schemas and force dynamics – preconceptual relations of sensorymotor origin – as tertium comparationis of contrastive cognitive rhetoric. The procedure of their application is exemplified by the analysis of the ways the idea of responsibility is embodied in the inaugural addresses in the Russian and Ukrainian languages.

Key words: contrastive cognitive rhetoric, *tertium comparationis*, image schema, force dynamics, inaugural address.

В русле возрастающего внимания к изучению воздействия на аудиторию и формирования общественного мнения новые перспективы для развития прикладного языкознания открывает когнитивная риторика, объединяющая идеи классической традиции и когнитивной семантики с целью синхронной реконструкции речемыслительных процессов, обеспечивающих влияние на адресата [6, 131; 10, 445; 13, 570]. В настоящее время это направление в основном сосредоточено на выявлении воздействующего потенциала текстов на отдельных языках [12], а поэтому перспективным представляется проведение сопоставительных исследований. Соответственно, **цель** предлагаемой статьи состоит в формулировании основных положений – сопоставительного когнитивно-риторического подхода к изучению текстов, воздействующих на аудиторию с помощью одной идеи, вербализуемой разными языками.

Изначальная задача предлагаемого подхода состоит в установлении *tertium comparationis*, то есть основания сопоставления, по-разному вербализуемого отдельными языками [3, 84; 4, 192]. В качестве основы сравнения современная лингвистика привлекает различные феномены: семантическое поле, падежную грамматику, концепты и так далее [3, 84–85]. При контрастивном когнитивно-риторическом исследовании в качестве *tertium comparationis* используем предконцептуальные структуры сенсомоторного происхождения: силовую динамику (force dynamics) [11, 413] и образ-схемы (image schemas) [9, 116]. Силовая динамика позволяет воссоздать внутреннее состояние именуемых субъектов через их соотношение со склонным к движению или спокойствию Агонистом, то есть фокальной силой и противопоставленным ему Антагонистом [11, 413]. Об-

раз-схемы как гештальтные, то есть неделимые, структуры реконструируют с позиции наблюдателя одновременное взаимодействие нескольких референтов [9, 19] относительно четырех координат: соматической, перцептивной, локативной и динамической, последняя из которых фиксирует устойчивые сило-динамические отношения между Агонистом и Антагонистом [5, 23–30].

Использование силовой динамики и образ-схем в качестве *tertium comparationis* для выявления средств текстового воздействия осуществляем в четыре этапа, соотносимые с риторическими стадиями текстопостроения: отбор аргументов (инвенция), их расположение (диспозиция), вербальная орнаментация (элокуция), запоминание (мемория) и воспроизведение (актио) [1, 22]. При этом учитываем, что в результате развития технических средств два последних образуют единую (перформативную) стадию.

На начальном (инвентивном) этапе исследования в терминах силовой динамики и образ-схем воссоздаем каноническую концептуальную структуру провозглашаемой идеи, опираясь на словарные дефиниции единиц, используемых для ее обозначения. На втором (диспозитивном) этапе текст на коммуникативные блоки с учетом последовательности воплощения авторской идеи. На третьем (элокутивном) этапе анализируем выбор номинативных единиц, вербализующих провозглашаемую идею в тексте в целом и в его отдельных блоках. На четвертом (перформативном) этапе устанавливаем связь заявленной идеи с макро- и микроконтекстом, то есть с лингвокультурой носителей языка и конкретной ситуацией общения.

Продемонстрируем возможности предлагаемой методики на примере сопоставительного когнитивно-риторического анализа воплощения

идеи *ответственности* в инаугурационных речах В.В. Путина (2000 и 2012 годы) и В.Ф. Януковича (2010 год).

На первом (инвентивном) этапе в терминах силовой динамики и образ-схем реконструируем каноническую репрезентацию идеи ответственности, отраженную в дефинициях соответствующих единиц на двух языках. В определении существительного *ответственность* в русском языке как «обязанности или необходимости давать отчет о своих действиях, поступках и отвечать за их возможные последствия» [7, 668] субъект ответственности представлен в двух ракурсах: как цель внешнего принуждения семами «*обязанность*» и «*необходимость*», так и цель ограничения активности гиперсемой «*отвечать за их возможные последствия*». В определении украинского существительного *відповідальність* как «покладеного на когось або взятого на себе обов'язку за яку-небудь ділянку роботи, справу тощо» [2, 177] сема «*обов'язок*» также позиционирует субъекта ответственности как цель внешнего воздействия, но в отличие от русского аналога в значении украинского субстантива отсутствуют семы, указывающие на ограничение активности.

В сило-динамических терминах субъект *ответственности* в обеих лингвокультурах выступает как Антагонист, но с разной степенью склонности к движению. В русском языке на его умеренность указывает гиперсема «*давать отчет о своих действиях*», а отсутствие аналогичных сем в значении украинского существительного *відповідальність* представляет Антагониста с большей теоретически безграничной склонностью к движению. В терминах образ-схем субъект ответственности соотносится с целью ПРИНУЖДЕНИЯ, движение которой стимулируется и ограничивается внешним источником.

Реконструированная на материале словарей двух сопоставляемых языков каноническая модель ответственности служит основой для анализа ее воплощения в инаугурационных речах российского и украинского лидеров. В.В. Путин обращается к этой идее дважды: в 2000 году («Я понимаю, что взял на себя огромную *ответственность* (14)») и в 2012 году («Вступая в должность Президента Российской Федерации, понимаю всю свою *ответственность* перед Родиной» (15)), а В.Ф. Янукович – в 2010 году (16): «Що я відчував, тримаючи руку на святому Пересопницькому Євангелії? *Відповідальність і смиренність. Перед народом України*, який у ході вільного волевиявлення віддав за мою кандидатуру більшість голосів. *Перед Всевишнім*, волею якого я вступаю на посаду глави Української держави в такий непростий для неї час».

Главное отличие между речами российского и украинского президентов состоит в источниках ответственности. Если в первом обращении

В.В. Путина главным источником ответственности служит история государства, во втором – возрожденная держава, то в выступлении В.Ф. Януковича – разрушенная страна, которую он обещает отстроить.

Несмотря на то, что в двух обращениях В.В. Путина источник ответственности представлен таким разными явлениям, как история и государство, их интродуктивные блоки имеют идентичную структуру, отражающую приоритеты политика: вначале он обращается к абстрактным идеям и лишь затем – к народу, призывая его к совместной ответственности за будущее страны. В речи 2000 года три источника ответственности включают, во-первых, устоявшуюся веками российскую модель управления, согласно которой глава государства несет ответственность за все происходящее («Я понимаю, что взял на себя огромную ответственность, и знаю, в России *глава государства* всегда был и будет человеком, который *отвечает за все*, что происходит в стране»); во-вторых, первого президента России, призвавшего беречь Россию («Первый Президент России, Б.Н. Ельцин, покидая Кремль, сегодня вспомнил об этом, произнес слова, которые многим запомнились. Он сегодня повторил в этом зале: «Берегите Россию». Именно в этом я вижу главную президентскую обязанность»); в-третьих, сограждан, идентифицируемых через абстрактный концепт государства («Я также рассчитываю найти в этом патриотическом деле помощь *сограждан России*»). При этом сочетание существительных *сограждане* и *помощь* изображает нацию не столько как источник ответственности, сколько как цель воздействия.

Несмотря на иной источник ответственности в обращении 2012 года, нация снова находится на третьем месте: вначале говорящий апеллирует к Родине, то есть стране, где человек родился и гражданином которой он является [8, 723] («Вступая в должность Президента Российской Федерации, понимаю всю свою ответственность перед *Родиной*»); затем – к абстрактным идеям государственных интересов, безопасности и благополучия («Ее *интересы, безопасность, благополучие* граждан страны всегда были и всегда останутся для меня превыше всего»), и лишь в конце интродуктивного блока – к гражданам: «Сделаю все, чтобы оправдать доверие миллионов *наших граждан*. Считаю смыслом всей своей жизни и своим долгом служение Отечеству, служение *нашему народу, поддержка* которого вдохновляет и *помогает* решать самые сложные и трудные задачи». Подобно первому выступлению единицы *поддержка* и *помогает* изображают в последнем предложении народ не столько как источник ответственности, сколько как цель, поднимая статус говорящего.

В основном блоке первого выступления В.В. Путина идея ответственности перед прошлым акцентируется выдвиганием в начало абзацев единиц *история* и *память*, а также производных: инициальный абзац открывается описанием первой в истории России мирной передачи власти («Сегодня действительно *исторический* день. В самом деле, впервые за всю *историю* нашего государства, за всю *историю* России, впервые верховная власть в стране передается самым демократическим, самым простым образом, по воле народа, законно и мирно»); второй абзац раскрывает пройденный государством исторический путь к свободе («Путь к свободному обществу не был простым и легким, в нашей *истории* были и трагические, и светлые страницы»); третий абзац, обращенный к присутствующим в Кремле, объединяет концепты памяти и истории: «... Здесь в Кремле – сосредоточие нашей национальной *памяти*. Здесь, в стенах Кремля, веками вершилась *история* нашей страны, и у нас нет права быть «Иванами, не помнящими родства».

В выступлении 2012 года ответственность перед государством отражена семантикой перемещения, создающей динамический эффект в абзацах, посвященных прошлому и будущему: *прошли* и *движение* во втором абзаце («Мы вместе *прошли* большой и сложный путь <...>. Сегодня у нас есть все для *движения* вперед») и *вступаем* в третьем («Мы *вступаем* в новый этап национального развития...»).

На третьем (элокутивном) этапе анализа рассматриваем выбор в обращениях российского президента единиц, именуемых источники и цели ответственности-ПРИНУЖДЕНИЯ. Смещение акцента с истории державы на ее современное состояние как стимулы ответственности проявляется в специфике употребления в основных блоках двух речей местоимений, обозначающих президента и народ.

В обращении 2000 года руководитель государства позиционирован как субъект ответственности местоимением *Я*. Его сочетание с глаголом *понимаю* выдвигает президента в центр внимания аудитории («*Я* *понимаю*, что взял на себя огромную ответственность»), а отсутствие этого местоимения в выступлении 2012 года снижает заметность лидера: «*Понимаю* всю свою ответственность перед Родиной». Уменьшение в речи 2012 года количества употреблений местоимения *Я* до трех раз придает ей дополнительный эффект скромности: повторение местоимения при обращении к уходящему президенту Д.А. Медведеву моделирует ситуацию диалога («*Я* вижу в этом большую заслугу Дмитрия Анатольевича Медведева и *Я* желаю ему успехов»), а сочетание с предикатом *верю* в заключительном блоке соотносит президента с Агонистом с тенденцией к дви-

жению, передающемуся слушающим: «*Я* верю в силу наших общих целей и идеалов».

Акцент в 2012 году на государстве и его гражданах как источниках ответственности проявляется в возрастании количества употреблений местоимения *мы* с пяти до девяти и расширением его объединительной семантики, по-разному подчеркивающей совместную ответственность президента с народом. Так, в речи 2000 года задействованы два значения местоимения *мы*: МНОЖЕСТВО, близкое к МАССЕ, при идентификации сторонников президента («Вы поверили, что вместе *мы* сможем изменить нашу жизнь к лучшему»), и МНОЖЕСТВО, близкое к ИСЧИСЛЯЕМОСТИ, при обращении к приверженцам других кандидатов, важным для совместной реализации ответственности, что подчеркивается пятикратным повторением местоимения *мы* и его производных: «Убежден, что вы голосовали за *наше* общее будущее, за *наши* общие цели, за лучшую жизнь, за процветающую и сильную Россию. У каждого из *нас* свой опыт, свои взгляды, но *мы* должны быть вместе, *нам* многое предстоит сделать сообща». Напротив, доминирование в 2012 году значения местоимения *мы*, близкого к МАССЕ, усиливает эффект совместной с народом ответственности, особенно при обращении к будущему: «Сегодня *мы* вступаем в *новый этап национального развития*, *нам* потребуется решать задачи *принципиального иного уровня, иного качества и масштаба* <...>. И *мы* все должны понимать, что жизнь будущих поколений, историческая перспектива государства и нашей нации зависят сегодня именно от *нас*». В приведенном фрагменте совместная ответственность главы государства и нации, обозначенных объединительным *мы*, подчинена абстрактным сущностям, далеким от насущных потребностей людей: задачам принципиально нового уровня, иного качества и масштаба; ближайшим годам; жизни будущих поколений; исторической перспективе государства.

Абстрактные источники ответственности именуются в заключительных блоках двух сопоставляемых речей В.В. Путина. В 2000 году к ним отнесены государственные интересы («Могу заверить вас, что в своих действиях буду руководствоваться исключительно *государственными интересами*») и единство, обозначенное глаголами *сплотить* и *собрать*, а также троекратным повторением числительного *один*: «Считаю своей святой обязанностью *сплотить* народ России, *собрать* граждан вокруг ясных целей и задач, и каждый день и каждую минуту помнить, что у нас одна Родина, *один* народ, у нас с вами *одно* общее будущее». В заключительном блоке последней инаугурационной речи, кроме единства, обозначенного прилагательными *единый* и *сплоченный* («*Мы* добьемся наших целей, если будем *еди-*

ним, сплоченним народом, если будем дорожить нашим Отечеством»), к источникам ответственности отнесены демократия («укрепляют российскую демократию, конституционные права и свободы, расширяют участие граждан в управлении страной»), история («на нашу тысячелетнюю историю, на те ценности, которые всегда составляли нравственную основу нашей жизни»), нравственность («если каждый из нас будет жить по совести...»). Воздействующий потенциал речи 2012 года усиливается апелляцией к внутренним источникам ответственности через соотнесение говорящего и аудитории с Агонистом, наделенным тенденцией к движению: предикатами *хотим* и *будем жить* («Мы *хотим* и *будем жить* в демократической стране <...>. Мы *хотим* и *будем жить* в успешной России»), *готовы* («Мы *готовы* к грядущим испытаниям и грядущим свершениям»), а также обращением к вере и духовности: «И мы будем работать с верой в душе, с искренними и чистыми помыслами».

Воплощение идеи неограниченной ответственности-ПРИНУЖДЕНИЯ, характерной для украинской лингвокультуры, проявляется в иной композиции обращения В.Ф. Януковича: начиная с источников ответственности, представленных мировым сообществом и плачевным состоянием государства, говорящий позиционирует себя в основной части речи как источник ответственности для различных государственных институтов.

В перформативном блоке, следующем за интродуктивным, роль В.Ф. Януковича как ответственного политика отражена апелляцией к международному сообществу (*увесь світ*), единодушие которого служит источником ПРЕПЯТСТВИЯ (*не може бути поставлено*) для сомневающимся в его легитимности (*не може бути поставлено під сумнів*), что важно на фоне судебных исков со стороны оппозиции: «*Увесь світ* визнав їх демократичність. Український народ сказав своє слово, і міжнародна спільнота підтвердила, що Україна – вільна держава, де права і свободи громадян є найвищими цінностями». В этой части речи ответственность говорящего дополнительно усиливается опущением средств самореференции, создавая эффект отсутствия личной заинтересованности.

В отличие от В.В. Путина, который в первой речи обращается к российской истории, для В.Ф. Януковича источником ответственности служит ужасающая современность, то есть граничащая с разрушением тенденция к покою у государственных институтов: у бюджета, соотносимого с образ-схемой ПУСТОЙ (*відсутність державного бюджету*) и у разрушенной экономики (*розвалена економіка*) на фоне склонных к движению и без того уже огромных долгов (*колосальні борги по зовнішніх запозиченнях*): «Країна перебуває у

вкрай складній ситуації – *відсутність* державного бюджету на поточний рік, *колосальні борги* по зовнішніх запозиченнях, *бідність, розвалена економіка*, корупція – ось далеко не повний перелік бід, з яких складається українська реальність».

На фоне указанной тенденции государства к спокойствию, граничащему с разрушением, идея ответственности реализуется глаголом *врятувати* (спасти), представляющим президента как Антагониста с тенденцией к движению, передаваемой государству, на что указывает словосочетание *вивести на шлях прискореного розвитку*: «Попри це, я вважаю, що державу можна не лише *врятувати* від соціально-економічного колапсу, але й *швидко вивести на шлях прискореного розвитку*».

Заявленная выше идея спасения и развития страны позволяет поднять статус говорящего в основной части выступления: из Антагониста, противостоящего проблемам, он превращается в Агониста, то есть источник ПРИНУЖДЕНИЯ-ответственности, влияющего на государственные институты: кабинет министров, парламент и местное самоуправление.

Кабинет министров представлен как Антагонист с тенденцией к движению словосочетанием *команда професіоналів* и противопоставлен *політичеським офіціантам* прежней власти, соотносимым лишь с целью ПРИНУЖДЕНИЯ: «Першочергове завдання на цьому шляху – реформування системи влади і, перш за все, Кабінету Міністрів, перетворення його у команду професіоналів, а не «*політичеських офіціантів*».

Словесное ПРИНУЖДЕНИЕ, обращенное к парламенту глаголом *закликаю* («Я *закликаю* Верховну Раду підтримати мої зусилля»), призвано изменить внутреннюю организацию высшего органа власти: с целью ПРИНУЖДЕНИЯ, обозначенного глаголом *повинна*, соотнесена оппозиция («...це – місце для *сильної опозиції*, яка повинна контролювати дії Уряду і Президента»); с источником ПРИТЯЖЕНИЯ – парламентское большинство («...це – місце для *сильної і стабільної парламентської більшості*»); а с УСТРАНЕНИЕМ ПРЕПЯТСТВИЯ – отношения между президентом и парламентом: «Вони схильні довіряти тим, хто *подає руку* на знак миру. Тому я звертаюся до всіх депутатів Верховної Ради із закликом до співпраці в ім'я України». В свою очередь, существительное *реформування* позиционирует парламент как источник ПРИНУЖДЕНИЯ для местной власти, судопроизводства и Конституции: «Така співпраця матиме вирішальне значення для *невідкладного реформування* влади, *судочинства*, внесення змін до Конституції».

Созданный выше образ ответственного главы государства усиливается в части выступления, обращенной в будущее, единицами, обозначающими движение. Вначале словосочетание *розчистить*

дорогу соотносит говорящего, парламент и правительство с мощным источником УСТРАНЕНИЯ ПРЕПЯТСТВИЯ («Ефективна співпраця між Президентом, Парламентом і Урядом розчистить дорогу до швидкого економічного прогресу»); соб-ственно движение обозначено глаголом *рухатися*, а его конечная точка – словосочетанием *до постіндустріального суспільства зразка XXI століття* («Багато наших проблем виникли через те, що замість того, аби *рухатися до постіндустріального суспільства зразка XXI століття*, ми пішли шляхом первісного накопичення капіталу»).

Отсутствие в семантике ответственности, представленной в украинской лингвокультуре, внешних ограничений на деятельность субъекта проявляется в именовании в речи В.Ф. Януковича целей, которые не соответствуют потенциалу государства, склонного не только к покою, но и к разрушению: конкуренция с развитыми экономиками мира с их более высокой, чем у Украины, динамикой развития (*Відповідно, ми зможемо конкурувати в сучасному світі лише за умови, якщо впритул займемося індустрією знань*); намерение догнать развитые страны, вызывающее справедливое сомнение даже у говорящего («Я розумію, що *наздогнати індустріально розвинуті країни вкрай складно*»); предлагаемая стратегия инновационного развития, потенциал которой значительно ниже, чем мировые экономики, которые планируется догнать (Для цього Україні потрібна стратегія інноваційного поступу і така стратегія нашою командою розроблена»).

Отсутствие ограничений на деятельность субъекта ответственности-ПРИНУЖДЕНИЯ отражено в блоке о международном сотрудничестве переходом от вполне реальных предложений по возобновлению доверия, соотносимого словосочетанием *відновлення довіри* с УСТРАНЕНИЕМ ПРЕПЯТСТВИЯ («Обов'язковими умовами *відновлення довіри* до України з боку інвесторів і міжнародних фінансових інституцій є забезпечення внутрішньополітичної стабільності»), и изображения Украины как связующего звена между Востоком и Западом («Будучи *мостом* між Сходом і Заходом, інтегральною частиною Європи і колишнього СРСР, водночас Україна обере таку зовнішню політику, яка дозволить нашій державі отримати максимальний результат»), к утопи-

ческой идее Единого Мира как силы, способной гарантировать сосуществование разных цивилизаций, энергетическую, экологическую и продовольственную безопасность: «Людству, і Україні в тому числі, потрібен ЄС у глобальному прочитанні. Я маю на увазі *Єдиний Світ* як силу, здатну гарантувати планеті мирне співіснування різних цивілізацій, енергетичну, екологічну, продовольчу безпеку». Последняя идея представляется преждевременной для ответственного политика, государство которого характеризуется тенденцией к спокойствию, граничащему с разрушением.

Сомнения в ответственности выступающего также вызывают обещания сократить расходы на управление и содержание секретариата, позиционирующие его как источник ПРЕПЯТСТВИЯ для тех, кто должен будет реализовывать данные обещания: «Враховуючи катастрофічну ситуацію з державними фінансами, ми зробимо це за рахунок *скорочення витрат на бюрократичну систему* і почнемо с себе. Одним з моїх перших Указів на посту Президента України буде указ про *скорочення видатків на Секретаріат Президента та інших структур*».

Заключительный блок выступления В.Ф. Януковича акцентирует его совместную ответственность не только с народом, но и с международным сообществом и Всевышним, то есть отличается от второй речи В.В. Путина, который обращался только к нации: «Я розраховую *на вашу підтримку, а також на підтримку міжнародної спільноти*, яка прагне бачити нашу країну сильною і стабільною. І хай у цьому праведному устремлінні нам *допоможе Господь!*».

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о возможности использования в качестве *tertium comparationis* сопоставительных когнитивно-риторических исследований силовой динамики и образ-схем, апеллирующих к базовым структурам сознания носителей языков. На примере особенностей вербализации идеи ответственности в инаугурационных обращениях на русском и украинском языках установлена важность трех факторов: организации задействованного концепта, реконструируемого в терминах концептуальных структур сенсомоторного происхождения, исторического контекста и формируемого образа лидера.

Литература

1. Безменова Н.А. Очерки по теории и истории риторики / Н.А. Безменова. – М. : Наука, 1991. – 215 с.
2. Великий тлумачний словник сучасної української мови / уклад. і голов. ред. В.Т. Бусел. – К. ; Ірпінь : Перун, 2009. – 1736 с.
3. Кочерган М.П. Основи зіставного мовознавства / М.П. Кочерган. – К. : Академія, 2006. – 424 с.
4. Петлюченко Н.В. Харизматика: мовна особистість і дискурс : [монографія] / Н.В. Петлюченко. – О. : Астропринт, 2009. – 464 с.
5. Потапенко С.І. Сучасний англомовний медіа-дискурс: лінгвокогнітивний і мотиваційний аспекти : [монографія] / С.І. Потапенко. – Ніжин : Видавництво НДУ імені Миколи Гоголя, 2009. – 391 с.
6. Потапенко С.І. Когнітивна риторика ефекту: в пошуках методу (на матеріалі інаугураційних звернень американських президентів Дж. Кеннеді і Дж. Буша) / С.І. Потапенко // Вісник Київського національного лінгвістичного університету. Серія «Філологія». – 2012. – Т. 15. – № 2. – С. 131–140.

7. Словарь русского языка / под. ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1986. – Т. 2. – 736 с.
8. Словарь русского языка / под. ред. А.П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1987. – Т. 3. – 750 с.
9. Johnson M. The Body in the Mind : The Bodily Basis of Meaning, Imagination, and Reason / M. Johnson. – Chicago ; L. : The Univ. of Chicago Press, 1987. – 233 p.
10. Oakley T. Force-dynamic dimensions of rhetorical effect / T. Oakley // From Perception to Meaning : Image Schemas in Cognitive Linguistics. – В. ; NY : Mouton de Gruyter, 2005. – P. 444–473.
11. Talmy L. Force dynamics in language and cognition / L. Talmy // Concept Structuring Systems. – Cambridge (Mass.) : The MIT Press, 2000. – Vol. I. – P. 409–470.
12. Texts and Minds : Papers in Cognitive Poetics and Rhetoric. – Frankfurt am Main, etc. : Peter Lang, 2012. – 332 p.
13. Turner M. Reading Minds : The Study of English in the Age of Cognitive Science / M. Turner. – Princeton : Princeton University Press, 1991. – 236 p.

Источники иллюстративного материала

14. Путин В.В. Инаугурационная речь 2000 года / В.В. Путин [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://mn.ru/blog_reference/20120507/317328193.html.
15. Путин В.В. Инаугурационная речь 2012 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kremlin.ru/transcripts/15224>.
16. Янукович В.Ф. Инавгураційна промова 2010 року / В.Ф. Янукович [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.nbuv.gov.ua/fpu/2010/gu20100226.htm.